

Ань Чжэн бежал, просто бежал. Его окружали серпантины, словно множество необъяснимых людей, стреляющих в него из странного оружия. Но здесь безопасно, даже спокойно.

Поэтому Ань Чжэн знает, что он далек от успеха, а его тело не чувствует никакого дискомфорта, значит, он не вырвался из ограничений пространства.

Когда скорость достигнет определенной точки, она превысит время. Это всего лишь теория. Помимо безопасности, бесчисленное количество людей, возможно, пробовали это с древних времен, но никто не может достичь такой скорости изменения времени. Когда Ань Чжэн почувствовал, что его энергия почти иссякла, у него все еще не было заключения, чтобы вырваться из пространства.

Но еще страшнее то, что он вырвался из пространства, где находился лежащий Будда, и попал в пустоту.

Иными словами, лежащий Будда одинок, и созерцание его тоже одиноко.

Ань Чжэн, остановившись, задохнулся, но страха не было. Он никогда не был человеком, который легко пугается, потому что все страшные вещи, с которыми он когда-либо сталкивался, были такими же крутыми, а его нервы уже были натренированы.

О чем не подумал даже Аньчжэн, так это о том, что он не только избежал от этого пространства, но и фактически подчинился времени. Но его скорость недостаточно велика: достигнув точки равновесия, он попадает в вечное пространство.

Некоторые люди думают, что ничего не делать - значит синхронизироваться со временем. Потому что время идет нормально, люди стареют, проходит одна минута и одна секунда. Но это не синхронизация, а управление временем. Пространство, в котором сейчас находится Ань Чжэн, - это баланс времени, то есть... время неподвижно. Он действительно достиг синхронизации со временем. Приведу простой пример: когда вы равны скорости ветра, вы не можете почувствовать его существование.

Синхронизация безопасности и времени означает, что время не имеет никакого значения для безопасности.

Он сидел, задыхаясь, и окружающее пространство было уже не темным, а пустым.

Аньчжэн успокоил себя еще больше, и только спокойствие может по-настоящему мыслить. Первым делом он проверил свое тело и обнаружил странное место.

Кровь больше не течет, и сердце больше не бьется. Согласно истине, он должен быть мертв. Но зрение, слух и осязание присутствуют, и Ань Чжэн сомневается, что он, подобно лежащему Будде, стал частью этого неподвижного пространства.

"Неужели ты не можешь выбраться?"

Ань Чжэн сидел, скрестив ноги, и, прежде чем найти способ расколоться, он проверил, надолго ли хватит тех припасов, которые он нес с собой, чтобы выжить. Однако, очнувшись, Ань Чжэн понял, что его движение было лишним. Это неподвижное пространство, без всякого потребления, даже если кровь не течет, сердце больше не бьется, где уж тут нуждаться в пище и воде.

Ань Чжэн продолжал думать о том, что если время неподвижно, то то, как долго он останется

здесь, никак не повлияет на внешний мир. Если он сможет выйти, то, возможно, не изменится ни внешний мир, ни срок, на который он ушел. Это нормально, по крайней мере, не заставляет Сяолю слишком беспокоиться.

Однако это еще один парадокс... время здесь постоянно, а внешнее время течет, поэтому время снаружи не изменилось, когда я вышел... очень странно.

Это эквивалентно более совершенной анти-небесной печати".

В это время Ань Чжэн решил, что единственное, что он может сделать, это ... практиковаться. Он не сможет прорваться сюда с его нынешней скоростью, поэтому он должен улучшить себя как можно скорее. Нынешняя борьба за безопасность находится недалеко от Великого царства, то есть прорваться туда невозможно. Если произойдет большое качественное увеличение скорости, то встречное время не будет проблемой.

Закрой глаза и сделай глубокий вдох.

Аньчжэн заставил себя не думать ни о каких проблемах, а сосредоточиться на практике.

В это же время в городе Дакси Цзиньлин.

В очень роскошной гостинице, сидя в самом большом номере на верхнем этаже, перед Тан Шанем стоит шахматная доска. Он всегда носит эту шахматную доску с собой, куда бы он ни пошел. Даже окружающие его люди думали, что это просто большое хобби - говорить о горах.

Он привык использовать шахматную доску как мир, чтобы контролировать все.

Где бы она ни находилась - в хрустальном зале, в тайном царстве, во дворце фей или в карете, уничтоженной набегом аньжанцев, - шахматная доска не покидала Тан Шансе.

Он взглянул на девятнадцать вертикальных и горизонтальных линий на шахматной доске, и его глаза затуманились.

"Господин, вы действительно хотите это сделать?"

Чжао Ми встал в стороне и осторожно спросил. Теперь его чувства к Тан Шаню уже изменились, и он не сомневался в том, что было раньше. Однако он твердо уверен, что если произойдет великое возрождение Шу, то единственное, на кого он может положиться, это господин .

"В эту эпоху аура истощена".

Тан Шансе сузил глаза и сказал: "Это не очень хорошо для возрождения Дашу. Чтобы свести людей с ума, им нужно дать почувствовать запах смертельного искушения. Принести в пространство, где находится Дашу, воина Это очень сильная мировая энергия. К тому времени ... те практикующие, которые истощены энергией и не могут прорваться, будут вливаться в пространство как сумасшедшие. "

Лицо Чжао Мэй изменилось: "Однако, когда они прорвутся один за другим, не добавит ли это много препятствий для возрождения Дашу?"

"Это зависит от двух вещей".

Тан Шань сказал: "Дянь Ху мертв, Ма мертв, Хуан Ао мертв... Почему? В наше время все они

были высокомерными военачальниками, их сила и состояние могли сокрушить любого из этой эпохи. В эту эпоху людей убивали. В той же среде жизненной силы, пока я нарушаю запрет, оставленный бессмертным императором Вайолет, я могу восстановить ваши руки до пикового периода. К тому времени, те практики этой эпохи будут Является ли это вашим противником? "

Он посмотрел на Чжао Ми: "Среди всех людей я смотрю только на тебя, потому что у тебя есть разум, который превосходит их. Ты можешь вернуться ко мне, и это докажет, что я прав, относясь к тебе по-другому. Я уже говорил вам, что без жертв не будет успеха. Однако вы все мои братья и сестры, и я не могу смириться с тем, что покину вас одного за другим.

Сломать императора 'запрет, а затем принести им сильный дух неба и земли к ним В этой среде, вы можете уничтожить этих практиков по своему усмотрению. "

Цвет лица Чжао Ми продолжал меняться, и после минутного молчания он сказал: "Все, к чему прислушивается господин".

Тан Шаньсе махнул рукой: "Ты сначала отдохни, пока что тебе нечего делать. Когда я захочу понять, как взломать запрет императора, я поручу тебе одно из самых важных заданий."

"В конце мы уйдем на пенсию".

Чжао Мэй сжал кулаки, поклонился и вышел из комнаты.

Вскоре после ухода Чжао Мэй снаружи вошел Фэй Цяньсун, прикрывавший голову и лицо широким плащом. Войдя в дверь, он снял шапку с капюшоном и держал ее в руках: "Подождите хозяина".

"Как поживает Ни Цин?"

"Помимо ожидаемого спокойствия, он, кажется, приходит в себя, и некоторые воспоминания начинают его затуманивать. Но у этого человека сильный ум, без какого-либо напряжения или замешательства, он просто проводит больше времени в оцепенении."

"Насколько сильно вы повлияли на него?"

"Все еще ... не уверен. Но в чем я уверена, так это в том, что мое положение в его сердце становится все более и более важным. Когда я вышла, он взял меня за руку и попросил вернуться как можно скорее".

Лицо Тан Шаня резко изменилось, в его глазах мелькнула вспышка злобы, но вскоре злость исчезла... Он улыбнулся, кивнул и сказал очень хорошо. В глазах Фэй Цяньсуна появилось разочарование. Он опустил голову и сказал: "Господин, если у вас есть приказ, пожалуйста, поторопитесь, мне нужно спешить обратно. Я не буду возвращаться слишком долго".

Тан Шансе поднял голову и прищурил глаза: "Ты действительно переместил его?"

"Разве хозяин не говорит, что если он хочет обмануть его, то пусть будет верен только ему? А что, теперь хозяин думает, что я ошибаюсь?"

"Ты заткнись!"

Тан Шансе не знал, почему он так хаотичен и зол. На самом деле, он знал, что просто не хотел признавать это. Он никогда не думал, что однажды на него будет влиять настроение и

суждения женщины.

Он прожил достаточно долго, и такого никогда не было. Женщины вокруг него меняются одна за другой, и эта Фэй Цяньсун определенно не самая красивая и послушная среди всех женщин. Почему так происходит?

"Господин, вам есть что объяснить? Тогда я вернусь первым".

Фэй Цяньсун надел шляпу и повернулся, чтобы уйти.

"Стоп!"

Тан Шаньмэн встал, подошел к Фэй Цяньсун сзади, сдернул шляпу, схватил Фэй Цяньсун за волосы и потащил ее на землю. Он наклонился и ударил веером по лицу Фэй Цяньсун, и на этом белом и нежном лице тут же появилась красная отметина. Фэй Цяньсун поднял руку, чтобы закрыть лицо, но его глаза светились: "Господин, вы ревнуете?"

"Снимай свою одежду!"

"Господин, вы мне еще не ответили!"

"Я попросил тебя раздеться".

"Хорошо."

Фэй Цяньсун встал и снял одежду одну за другой: "В любом случае, это тело - просто инструмент для выпуска воздуха. Для Ни Цин, как несравненное сокровище, он будет любить меня осторожно, очень нежно."

"Ты хочешь умереть!"

Тан Шаньсе бьет по лицу, а затем в бешенстве бросается снимать с Фэй Цяньсуна единственный фартук. Он хватает Фэй Цяньсун за две руки и тянет ее к окну, отталкивая окно. Он перевернул Фэй Цяньсун, ягодицами к себе, а затем снял с нее брюки и с силой толкнул в нее. Он сильно дернул Фэй Цяньсун за волосы, и звук столкновения был очень громким.

"Пусть все видят, ты - моя женщина!"

Глаза Тан Шаньсе были красными, и он ударил всех сразу. Грудь Фэй Цяньсун сжалась на подоконнике и вскоре покраснела.

У нее идеальная фигура. В этой позе две впадины на бедрах более очевидны. Стройная талия, круглые ягодицы, и шум воды мешается между белым и жирным.

Через несколько минут Тан Шань слабо лежал на спине Фэй Цяньсуна, тяжело дыша. Впервые он так быстро объяснился. Впервые он почувствовал усталость и то неопишемое удовольствие, которое она принесла.

"Мастер закончил?"

"

Фэй Цяньсун равнодушно поднялся, оттолкнул Тан Шаньсе, а затем положил одежду обратно одну за другой.

"Раз так, то моя задача выполнена, и я возвращаюсь".

Ее беспорядочные волосы были поправлены пальцами, а на лице не было видно никаких изменений.

"Это все наше!"

Тан Шаньсе вдруг безумно закричала: "Это все наше! Все наше!"

Он был в истерике: "Я уже знаю, как нарушить запрет Бессмертного Императора и вернуть тех древних практиков, чтобы они позволили мне расправиться с нынешними практиками. Затем я отправлю это пространство назад, и пространство наложится на пространство". Сила полностью сокрушила ту эпоху! Все будет кончено, все будет нашим. В то время в мире останемся только ты и я, только ты и я! "

Он повернулся и посмотрел на Фэй Цяньсуна, его лицо исказилось: "Я овладел временем и овладел пространством. До тех пор, пока та эпоха будет перемещаться мной, я стану единственным человеком уровня бессмертного императора, и я дам тебе вечную жизнь! "

<http://tl.rulate.ru/book/11864/2201924>